

Всеволод ИВАНОВ

ПЕГИЙ БЕРЕГ

Рассказ

I.

Началось это с вазы. Ваза с апельсинами... Ваза как морская волна, и апельсины как китайские рифы...

Вошел в кафе красноармеец. На хаки — звезда, брит, и одна губа слегка косит, как облако под ветром.

Молча взял апельсин, тиснул слегка ногтем — на заусеницы брызнул сок — и, оставив губу, апельсин съел.

Бритый кафейник соединил губы — () — и сказал:

– Мильен.

Красноармеец расставил губы –) — (– и ответил:

– Нету.

И ушел.

О вазе рассказывали позже (она не была разбита — хотя каждая волна доходит, куда ей нужно), — но раньше сообщили, что на Невском и углу Казанского прошел городской. Лаковые сапоги, мундир и прочее вооружение.

II.

«Посылает сладкие весны Аллах...»

III.

Когда-то от камней рассыпавшегося города Каракорума великий Монгол подымал каменные орды и вел их на Московию. Московит коротконог, потлив и любит баню, а Монгол в баню не ходит.

«Я приехал в Петербург — назад тому год и 4 месяца. В бане не был (и не потому, что их нет), а потому, что не хочу. И не пойду!»

От сладких волн Желтого Моря, через седую Монголию потрясли мы Московита и выгнали в Европу. И к пегим берегам Невы пришли Монголы... Камень. Юрты.

IV.

«Набирают почки душистого сока».

V.

Бывший генерал Трушин, содержатель кафе на Невском, вечером ныл над кассой.

– Это начало! Вы посмотрите, начнется с апельсина, а потом в один день придет и го-ло-ву сорвет! Очень просто! Взошел, съел и мо-о-олчит!.. А мне-то сегодня...

И, вытянув руки — прямо, как пол, сладостно сказывал:

— Шел, говорили, по Казанской и на углу Невского остановился и ка-ак гаркнет: Сми-ирно!.. Партупея на нем — зеркало; шашка и револьвер. Тут: трамваи — стой! По телефону — туда и сюда. Чека и еще Чека, автомобили, аэропланы, народ — городской на Невском!..

— Городовой! Кто видел?

— Ага?.. Но почему апельсин? Почему молча? Этак-то...

Так, некогда в ставке Батыя Московиты говорили о мучениках и мнсях являвшихся. В татарских юртах — князя Московиты...

«Подымается желтое солнце с Востока...»

Может быть, спекулировать туда-сюда по трестам ходил с утра гражд. Трушкин. Портфель под локтем, как подушка от стула, на бритой беспечальности от 1914 года сохранившиеся глаза. А вокруг, по Невскому и в переулочках дальше к зачесанным в волосы ушам, к ушам гладким, как волосы — шепот, шепотунчики о сине-зеленоватом мундире и о гулком шаге Прошедшего. И за этими шепотками в ушах пищит далеко где-то — едят апельсин без спроса, без денег... Все может случиться. День над проспектиками, как промысленная бумага, Нева в пегих берегах одичало царапается и ехидная ползет в Европу. Прошел шаг, не оставит следа — может, и не было его. Однако говорили, однако почему-то съели апельсин? Гражд. Трушкин — слушал по трестам, по ресторанам — валюта, иноземные пароходы, молодые люди, организующие банки, и старики, варящие картофельную шелуху. Видал светлейшую княгиню Тигинцеву, передавала — видели, прошел и на Дом Книги против Казанского ухмыльнулся. На Обуховском канале у мусорной ямы ковырнул сапогом, через час приехал кто-то и три раза раздавил это место грузовиком. Заметили его на Бассейной и в полчase второго ночи козырял он долго статуе Александра, что в деревянном клозетике сидел у Николаевского вокзал... Смозолил ступню Трушин, по рынкам прошелся, там верили шагу мало, все больше удивлялись, почему картошка с 60 000 фунт спала до 50-ти.

У церкви, что-на-кровях некий гражданин с бородачкой, как клочок навоза, и с мешком, поморгал бровью — словно теряя ее — и сказал: «У Невы видали, у Николаевского моста идет...» Заспешил туда гражд. Трушин.

Под арками густые и неповоротливые воды. Под камнем — вода и ветер, на камне с железом, в остроконечном шишаке — Монгол. Нет того, который вышел...

Куда скрылся вышедший по Казанской к Невскому — никто больше не говорит. Только спросит Трушин:

— Позвольте осведомиться?..

Подымут вопрошаемые палец к носу и губами водят взад и вперед, взад и вперед, а что на губах — неизвестно.

Ночью перед сном пощупал гражд. Трушин мозоль и, уверенно снимая с плеча подтяжки, сказал жене:

— Может быть, он и не выходил?

— Кто?.. Павел-то?.. (Был такой у Тришина сын)...

— Да нет... с Казанского...

— Шоколада партию предлагают... — жена щелкнула кнопкой платья. — А я думаю, лучше сахара купить. Кто с Казанского? А?..

Вздохнул Трушин. Никто ничего не понимает.

Кафе, открывается с 11 час. дня.

...Кафе как банка с вареньем — тесно, сладко и стеклянно...

И только в 11 открыл крючок Трушин, вошел тот, что три дня съел апельсин. Такое же хаки, губы в скобку скошены.

Опотел избыльнейше — от затылка до мозоли — гражд. Трушин, тронулся к вазе...

А тот уже подле стекла, что похоже на волну, и, подхватив пальцами два апельсина, сначала подложил их под локоть, затем расстегнул пуговицу френча и — сунул туда апельсины.

Под жилеткой у Трушина — болото, челюсть, как развинченная и слова из горла, отчаянно:

– Де-евятьсот пятьдесят... штука...

Опять у того рука к пуговице френча, заскрежетали и отсчитались бумажки:

– Девятьсот пятьдесят. Девятьсот пятьдесят. Мильен за вчерашнее...

Опотело подтвердил Трушин:

– За черашний — мильен...

Приняв в кассу два мильена девятьсот, вытер лоб и, дрыгая рукой, спросил:

– А... а... как вы думаете... война?..

На что френч кашлянул, повел рукой и сказал:

– Россия, в течение семи лет отрезанная от всего остального мира, разоренная империалистической и гражданской войнами, доведенная до полного истощения железной блокадой...

Вздохнул Трушин и спросил:

– Больше ничего не прикажете?..

У пегих берегов Невы перед Европой лагерь. Юрты.

В юртах мычит скот — козы... Монголы ловят в Неве бревна, жгут очаги, а пленные московитские князья — коротконогие и потливые — продают кумыс и туркестанские фрукты. Монголы одеты в шкуры.

В кожу одета Нева и камень на мостах — с собой такой камень что ли привезли монголы?.. Камнем таким мостится гнилое московитское небо.

(Современное обозрение. 1922. № 1. С. 1. Подп.: Всев. Иванов)